

Св. Зетиня. — Таллинн. — 1990. — 1 апреля.

«Мы похожи сегодня на героев,
падающих грудью на амбразуру,
правда, мы хорошо знаем, что
там... нет пулемета», —

замечает наш собеседник — драматург Александр ЧХАИДЗЕ.



ПЬЕСЫ Александра Чхайдзе хорошо известны эстонскому зрителю. Нашумевший «Мост», в начале 70-х внезапно сломавший цензурные запреты, обошедший сто театров и звучавший на двадцати языках, был поставлен Вольдемаром Пансо на сцене Таллиннского театра имени Кингисепа; постановку не менее острой пьесы «С трех до шести» осуществил в «Студии Старого города» Эино Баскин...

— Александр Владимирович, требовались мужество и смелость, чтобы создать вашего исключительного героя в типических советских обстоятельствах. Героя, который еще пятнадцать лет назад решил выйти из КПСС, который почти двадцать лет назад решил привлечь к суду руководителей города, который констатировал беспомощность школьной реформы еще до ее воплощения в жизнь, и еще десять лет назад вынес приговор нашей бюрократической системе. Однако сегодня, чтобы писать, художнику нужны иное мужество и иная смелость. Многие ваши коллеги замолчали в страхе перед свободой. А вы?

— Мне кажется, напротив, что художник может сегодня, наконец, вздохнуть с облегчением и вернуться к вечным темам, поскольку на самом деле никаких иных тем в искусстве и не существует. Я мечтаю о возрождении комедии, настоящей, забавной и страшной одновременно. Ну, вообразите, например, что сегодня, именно сегодня, в маленький провинциальный городок приезжает персона № 1. Что произойдет? Да все то же самое. Страх живет в наших

генах, ужас разоблачения передается по наследству, наши замечательные голоса мы бережем для свадеб, а в повседневности нам важен только один голос — прямого начальника. К нам едет Ревизор? Значит, страшная суета в порту — он может прибыть водным путем; транспаранты на вокзале — вдруг его привезет поезд. Пионеры в праздничных рубашках чумают под пальцем солнцем, скромные сотрудники КГБ в костюмах цвета пыли чутко прислушиваются к настроению толпы. А если персона № 1 вовсе не остановится в городе, а только пролетит над ним на вертолете, то и тогда мучительно долго и трепетно будут обсуждать люди — улыбался ли он с поднебесных высот или же хмурил брови...

— К вечной теме страха сегодняшний день добавляет свои парадоксы. Вот только что в вашем городе демонтировали памятник Ленину. Состоялся митинг, после которого люди, удовлетворенные сделанным, разошлись по домам... по проспекту имени Сталина. О чем вы думали в эти минуты?

— О многом. О судьбе своего поколения, которое отрезало от своих отцов, голосовало или молчало против них. Мой отец был арестован в 37-м, я прекрасно понимал, что он ни в чем не виноват, но когда я посмел по неопытности где-то обмолвиться, что отец сидит по политическому делу, ме-

ня тут же осекли — даже «политическими» они не смели называться, это было бы для них излишней идеологической роскошью, они были просто «врагами народа». И я изменил формулировку. Я молчал. Потом я работал на радио, мои передачи постоянно выходили в эфир, но фактически я по-прежнему молчал. А дома, вечерами, мне было мучительно стыдно и я тайно начал писать пьесы, точно зная, что их никогда не поставят... Однажды я рассказал идею своего «Моста» Леониду Зорину (мы были знакомы, я переводил его), и он убедил меня немедленно закончить пьесу. И вот тут началась полоса счастливых неожиданностей: пьеса попала к Григорию Лордкипанидзе, он возглавлял в это время оппозиционный театр в Рустави, театр выезжал на гастроли в Москву, острого современного спектакля в репертуаре не было. «Мост», где моя героиня вызывает на суд отцов города, немедленно поставили и повезли в столицу... Кажется, с этого момента началась другая моя жизнь. Но это не совсем так. Прошлое не может не болеть. Страх не уничтожается неким одноразовым действием. Он изживается каждодневными усилиями, творческой, кропотливой работой над собой. Я против кумиров, но я и против «толпы». Мы совершили все вместе столько страшных, разрушительных ошибок, нам всегда так нравилось крушить и

уничтожать, что всякие действия подобного рода, даже если смысл их справедлив, вызывают у меня лично очень грустные ассоциации...

— Вам никогда не хотелось написать о Сталине?

— Хотелось. Я даже придумал такой забавный сюжет. Наши дни. Кремль. Три часа утра. Появляется живой Сталин (предположим, по какой-то особенной причине на площади было много народу, скажем, проводилась эксгумация Сталина или что-нибудь в этом роде). И вот Сталин жив. Все в панике разбегаются. Не может уйти только солдат-часовой, он несет службу, он на посту и он не двигается с места. Генералиссимус разговаривает с рядовым, и тот отчитывается обо всем произошедшем с 53-го.

— Но вы не написали эту пьесу?

— Нет, от этой темы все уже успели устать, она лежала на самой поверхности, многие к ней потянулись, но, как кажется, пока еще не успели в ней разобраться, надо, видимо, подождать...

— А пока?

— А пока я написал заявку на фильм. По идее он должен состоять из двух частей: «грузинской» и «американской» (или французской, немецкой и так далее, это не очень важно). В первой части американец (или любой иностранец) без вещей и документов случайно оказывается в Грузии, во второй части, соответственно, грузин оказывается на За-

паде. Что произойдет с персонажами? Я беру на себя события в Грузии, предлагая западным партнерам описать их территорию.

Американца же у нас ждут невероятные и веселые приключения. Сначала пионеры сдадут его в милицию, потом он попадет на грузинскую свадьбу, где ему неожиданно будут дарить подарки, потом в поисках работы он будет сниматься в массовой советско-американского фильма, изображая грузина, потом он будет участвовать в забастовке против уничтожения дома, имеющего какую-то историческую ценность.

— Словом, совершенно ясно, что он не пропадет в Грузии. А вот что случится с его двойником в Америке?

— По-моему, ему трудно будет там выжить, но, впрочем, это виднее зарубежным коллегам.

— Итак, чистая комедия. И вы отказываетесь от лавров смельчака, которые вы заслужили (не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами) тридцатью сложными годами работы в драматургии?

— Знаете, я думаю, все нужно делать вовремя. Смелость — это риск, преодоление страха, а когда убран пулемет, стоит ли бросаться на амбразуру?..

Вела беседу
Е. СКУЛЬСКАЯ.

Батуми — Таллинн.